

Как только они зашли в переулок, Чжао-гэру заломили руки за спину и крепко прижали запястьями к стене. Он отчаянно забился, пытаясь вырваться, но человек сзади обладал невероятной силой — юноша не мог даже пошевелиться. Чужие ладони, точно стальные тиски, намертво сковали его руки.

У самого входа в проулок висела гряда каких-то ящиков и товаров, которые полностью скрывали их от случайных глаз. Если бы этот человек задумал совершить недоброе, никто бы ничего не заметил.

Его охватил подлинный ужас. Нервы натянулись до предела, а в голове на мгновение воцарилась звенящая пустота.

Незнакомец прильнул к нему со спины, не оставляя ни малейшего просвета, а затем... принялся ощупывать его. Ладонь бесцеремонно скользнула под край одежды и прошла вдоль талии к самому пупку. Это было до непристойности интимно. Влажное, горячее дыхание коснулось уха, и он снова попытался извернуться, но преследователь плотно зажал его ноги своими, лишая всякой возможности для маневра.

— Не трогай меня... — Чжао-гэр из последних сил старался вырваться, но всё было тщетно. По спине скатился холодный пот, а в душе заворчалось черное отчаяние.

Человек за спиной надежно заключил его в объятия и попытался схватить за подбородок. Тот упрямо дернул головой, отказываясь подчиниться, но в этот миг он почувствовал на своем лице чужое теплое дыхание и едва уловимый аромат мыльного корня — совсем не то тошнотворное зловоние пота, которого он подсознательно ждал. А еще он почувствовал на своей спине чужую ладонь: на указательном пальце была едва заметная грубая мозоль...

Ошеломленный этой внезапной догадкой, он перестал сопротивляться, и его силы постепенно иссякли.

— Кричи! — раздался за спиной знакомый голос. — Хоть глотку сорви — никто не придет на помощь!

Человек убрал ладонь от его рта и с наглым смешком добавил:

— Чем громче будешь звать, тем сильнее я буду распалаться.

Чжао-гэр:

«...»

— Что же ты замолчал? — незнакомец положил подбородок ему на плечо и беспечно поинтересовался: — И даже не дерешься больше? Что, неужто я тебе приглянулся?

Дыхание Чжао-гэра стало прерывистым, грудь бурно вздымалась.

— Отпусти меня! — взмолился он. — Пожалуйста, у меня уже есть муж.

— Ого, значит, у маленького гэра есть муж? Раз ты такой красавчик, то и муженек твой, поди, парень не промах?

— Вовсе нет! — выдохнул Чжао-гэр, едва сдерживая бурю внутри. — Ростом он и четырех чи не вышел — коротышка коротышкой. Лицо узкое, щеки впалые — вылитая обезьяна, а глаза бегающие, вороватые, точь-в-точь как у крысы!

Фан Цзычэнь ошарашенно округлил глаза, не веря собственным ушам. Пять чи — это примерно метр шестьдесят семь. Значит, меньше четырех чи — это даже не метр тридцать пять!

«У У Даланя рост был метр шестьдесят! — Фан Цзычэнь пришел в ужас. — А я что, получается, даже до него не дотягиваю?!»

Чжао-гэр, тем временем, продолжал:

— Муж мой лицом уродлив, умом скуден, непроходимо глуп и странен... Туловище у него длинное, а ноги короткие...

Слушая это, у Фан Цзычэня на виске бешено запульсировала жилка. Он сердито стиснул зубы, а ладони так и зачесались. Сделав глубокий вдох, юноша предостерегающе прошипел:

— С тебя хватит!

Если дать ему продолжить, он, чего доброго, решит, что Фан Цзычэнь и мизинца того У Даланя не стоит.

— А нечего было меня так пугать! — Чжао-гэр резко развернулся и ткнул его кулаком в грудь.

Он и впрямь едва не умер со страху.

— Теперь-то понял, каково это — бояться? — Фан Цзычэнь поймал его руку и принялся ласково поглаживать ладонь. — Разгуливаешь тут один, совсем бдительность потерял. Сегодня это был я, а если в следующий раз тебе и впрямь встретится какой-нибудь злодей?

Он продолжал нравоучительно отчитывать его:

— Посмотри, какое здесь безлюдное место. Кричи не кричи — никто не услышит. Ты ведь гэр, должен обладать «антиволчьим» чутьем и всегда быть начеку.

Чжао-гэр покорно признал свою вину:

— Прости меня.

Он и сам понимал, что проявил неосторожность. Юноша искренне считал себя дурнушкой и полагал, что на него никто и не посмотрит. На улицах полно красивых девушек и гэров — зачем какому-то разбойнику выбирать именно его? Но что, если преступнику будет всё равно? Что, если он окажется настолько неразборчив, что схватит первого встречного?

Осознав всю серьезность положения, Чжао-гэр крепко обнял Фан Цзычэня и, чтобы сменить тему, спросил:

— А ты как здесь оказался? Какое совпадение!

«Совпадение, как же», — хмыкнул про себя Фан Цзычэнь, а вслух ответил:

— Ты ведь говорил, что пойдешь с Чжоу-гэром продавать овощи. У меня выдалась свободная минутка, и я решил заглянуть на рынок. Чжоу-гэр сказал, что ты ушел побродить по лавкам, вот я и отправился на поиски.

Чжао-гэр поднял голову и легонько поцеловал его в едва заметно двигающийся кадык.

— Погуляешь со мной немного? — с улыбкой попросил он.

Фан Цзычэнь замер от неожиданности. У Чжао-гэра от пережитого волнения покраснели уголки глаз, и сейчас, когда он улыбался, это зрелище было поистине пленительным. Молодой человек чувствовал, что ради этого человека он сейчас готов не то что по лавкам ходить — он бы и солнце с неба достал, если бы тот попросил. В груди у него разлилось приятное тепло.

Он был молод, кровь кипела в жилах, и такие нежности не могли оставить его равнодушным. Столько лет он жил в воздержании, и это не доставляло ему хлопот, но стоило Чжао-гэру проявить хоть каплю кокетства, как в душе Цзычэня мгновенно разгорался пожар.

Он легонько ущипнул Чжао-гэра за тонкую талию.

— Идем!

В базарный день на улицах было не протолкнуться, люди шли сплошным потоком, толкаясь плечами. Фан Цзычэнь заботливо прикрывал Чжао-гэра, следя, чтобы никто его не задел. Здесь, на Западной улице, вдоль дорог теснились лавки и лотки деревенских жителей.

Один старик продавал цыплят. Крохотные золотистые комочки величиной с кулак копошились в клетке, и Чжао-гэр, завидев их, просто не смог пройти мимо. Он молча потянул спутника за рукав.

Тот негромко рассмеялся:

— Понравились?

— Угу.

— Ну, раз так — давай купим.

Он подвел Чжао-гэра к лотку и спросил, сколько штук тот хочет взять. Старик пояснил, что один цыпленок стоит три монеты — все они только-только вылупились. Рядом стояла еще одна клетка, где птенцы были покрупнее — видимо, их подращивали уже несколько дней. Эти стоили дороже — по восемь монет за штуку. Зато подросшие были крепче, а совсем маленькие могли погибнуть при малейшей неосторожности.

Чжао-гэр не отрывал взгляда от попискивающих желтых комочков, и взгляд его стал необычайно нежным. Похоже, он просто обожал всё пушистое.

— Хочу вот этих маленьких. Возьмем шесть курочек и двух петушков.

«Курицы будут нестись, не придется тратиться на яйца. А петухи пригодятся для развода», — рассудил он.

Фан Цзычэнь опустил на корточки рядом и с любопытством дотронулся до одного из них. Золотистый пушистый комочек был мягким, крошечным и теплым; под пальцами едва заметно билось маленькое сердечко.

Обрадованный покупателям, продавец достал пустую клетку и принялся одного за другим отбирать птенцов. Для молодого человека все они были на одно лицо, но старик, едва взглянув под хвост пушистому желтому комочку, безошибочно определял пол: «Эта — курочка, а этот — петушок». Он был искренне восхищен — такой зоркости позавидовал бы даже рентгеновский аппарат.

Торговля у Чжоу-гэра шла из рук вон плохо — овощей оставалось еще больше половины корзины. Он сидел с приунывшим видом, и лишь при виде цыплят на его лице промелькнула тень радости.

Чжао-гэр тоже расстроился. Товара осталось слишком много, а в такую жару овощи долго не пролежат. Если не распродать всё сейчас, придется скормить их курам. Столько месяцев непосильного труда — и всё впустую!

Фан Цзычэнь не мог спокойно смотреть на его печаль. У юноши были красивые круглые глаза, которые при улыбке превращались в очаровательные полумесяцы. Когда он радовался, он был похож на маленькое яркое солнце, согревающее всё вокруг. Да и его приятелю приходилось несладко — почему бы не помочь, если есть такая возможность?

— Я схожу в трактир, спрошу у управляющего, не нужны ли им свежие овощи, — предложил он.

Его глаза вспыхнули надеждой, но Чжоу-гэр тут же засомневался:

— Не доставит ли это тебе хлопот?

Фан Цзычэнь отмахнулся:

— Пустяки, всего лишь спросить. Подождите меня здесь.

В «Башне Пьяной Ночи» всегда было полно гостей, и поварята каждый день бегали на рынок за продуктами. Какая разница, где покупать? К тому же хозяин благоволил Фан Цзычэню и велел приглядывать за ним. А раз эти люди были близки Цзычэню, то и управляющий Ян, с которым у того сложились добрые отношения, не стал отказывать:

— Пусть приносит. Домашние овощи — это хорошо. Скажи другу, пусть каждое утро приносит урожай прямо к нам. Если товар будет качественным, я всё заберу.

Фан Цзычэнь, по своему обыкновению не соблюдая чинов, панибратски хлопнул его по плечу:

— Дядя Ян, после этих слов вы стали выглядеть еще краше!

— Ох и наглец... — беззлобно выругался тот. — С глаз моих быстро!

Он пулей выскочил из трактира. Час пик в заведении был уже близок, так что медлить было нельзя.

На улице рынок уже начал потихоньку сворачиваться. Чжоу-гэр укладывал фасоль и огурцы обратно в корзину. Он заранее знал, что в этот сезон продать овощи будет непросто, но не ожидал, что за всё утро удастся выручить деньги лишь за несколько пучков. От обиды хотелось плакать.

— Чжао-гэр, Чжоу-гэр! — к ним, тяжело дыша, подбежал запыхавшийся Фан Цзычэнь. — Быстрее, идем со мной в «Башню Пьяной Ночи»!

Чжао-гэр бросился ему навстречу:

— Твой трактир решил купить наши овощи?

— Да! — юноша подхватил короб Чжао-гэра и взял корзину Чжоу-гэра. — Пойдем скорее, скоро начнется обеденная суета, нужно успеть всё сдать.

Чжоу-гэр не верил своему счастью. Он протянул руки к ноше:

— Давай я сам понесу! Тяжело же.

Фан Цзычэню это было нипочем — после работы грузчиком, где он таскал огромные тюки, одна такая корзина казалась ему пушинкой. Чжао-гэр, знавший о силе мужа, лишь прижал к себе клетку с цыплятами и послушно последовал за ним:

— Чжоу-гэр, не волнуйся, он очень сильный. Идем скорее!

Цзычэнь провел их на задний двор. Дядя Ян велел подать гостям чай и пирожные, отчего Чжоу-гэр совсем оробел. Земля во дворе была выложена добротной плиткой, да и сам управляющий в своих дорогих одеждах выглядел как настоящий господин. Ему никогда не доводилось общаться с такими людьми; в деревне поговаривали, что городские богачи народ капризный и вспыльчивый, так что он не на шутку разнервничался.

Овощи были отменными и свежими, поэтому управляющий Ян лишь мельком взглянул на них. Крестьяне — народ честный, а раз их привел Фан Цзычэнь, то сомневаться в качестве и вовсе не приходилось. Пирожные гости трогать не стали, и тогда дядя Ян велел завернуть их в два свертка и положить в корзину Чжао-гэра.

Тот застеснялся принимать подарок.

— Бери-бери, — подбодрил его Фан Цзычэнь. — В хозяйстве всё пригодится. Это дело рук мастера Пана, у него золотые руки. Дома вместе с Чжоу-гэром и попробуете.

Управляющий Ян, стоявший рядом, в шутку замахнулся на него:

— Опять ты за своё, вечно людям прозвища даешь...

На обратном пути Чжоу-гэр всё еще пребывал в каком-то оцепенении. Чжао-гэр достал два кусочка угощения и разделил между ними. Раз уж привередливый Фан Цзычэнь похвалил вкус, значит, лакомство и впрямь было стоящим. Аккуратный квадратный ломтик, посыпанный дробленым арахисом и кунжутом, так и таял во рту, оставляя после себя чудесный аромат. Скушав один кусочек, Чжоу-гэр не притронулся к остальным — решил оставить их для семьи.

— Управляющий Ян сказал, чтобы я и дальше приносил им овощи... Неужели это правда?

Радость была столь внезапной, что в неё трудно было поверить. Казалось, стоит зажмуриться — и всё исчезнет, как прекрасный сон.

Цыплята в корзине негромко попискивали, но юноше этот звук ничуть не мешал.

— Конечно правда. Теперь тебе не придется ломать голову над тем, куда деть урожай.

Чжоу-гэр был неглуп и прекрасно понимал: управляющий Ян согласился на эту сделку только ради Фан Цзычэня. С чего бы такому большому заведению выбирать именно его овощи, когда вокруг столько других огородников? Неужто его фасоль пахнет как-то по-особенному?

Он искренне произнес:

— Чжао-гэр, спасибо тебе большое.

Тот искренне удивился:

— За что ты меня благодаришь?

— Управляющий разрешил мне поставки только из уважения к твоему мужу. А твой муж помог мне только ради тебя. Так скажи, разве не тебя мне стоит благодарить? — Чжоу-гэр улыбнулся. — Фан-сяоцзы наверняка очень дорожит тобой, раз так заботится даже о твоих друзьях. В народе говорят — если любишь человека, то полюбишь и ворону на его крыше.

Тот крепче перехватил лямки корзины. На его губах заиграла едва заметная, счастливая улыбка.